

«УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ...»

Чему и зачем?

Александр БУТУХАНОВ, методист Бурятского института повышения квалификации и переподготовки работников образования

Вопрос, вынесенный в заголовок этой статьи, наверняка вызовет недоумение у многих читателей. Как это чему? Учиться, чтобы получать знания. Таков, вероятно, будет самый первый, самый распространённый ответ.

Но это совсем не значит, что ответ достаточный, ибо он порождает новый вопрос: а зачем знания? В результате появляется целый ряд вопросов и ответов — ещё менее однозначных.

Таким образом, поставив на «входе», казалось бы, простую задачу типа «сколько будет дважды два», на «выходе» мы получаем некое «простое» число, скажем, как четыре плюс бесконечность. И хотя такой подход вполне в рамках теории относительности, в реальной жизни, где практически делом заняты миллионы людей, руководствоваться им затруднительно. Не потому ли так часто «буксуют» воспитательные усилия педагогов и родителей, что воспитатели и сами не знают, что и как нужно сказать своим воспитанникам в этой, казалось бы, совсем простой ситуации.

Но, может быть, более оптимальны другие широко распространённые и всем известные варианты. Что обычно отвечают детям радеющие об их благе взрослые, прежде чем испытать бессильное раздражение от собственного неумения или объективной невозможности не «ходить в тот угол», куда неминуемо загоняют простые и бесхитростные «зачем» и «почему»? Они отвечают: «Чему? Конечно, умению трудиться...» И ещё: «профессиональным умениям. Всему, что позволит занять достойное место в жизни, в обществе, тому, что даст возможность хорошо зарабатывать». И это действительно кажется нам правильным, «реальным» объяснением. Однако разберёмся по порядку.

Итак, «учиться, чтобы трудиться». Но ведь учение (не говоря уже об обучении) часто и не без оснований сравнивают с трудом. Сравнивают и фактически отождествляют. Но в таком случае выражение «учиться, чтобы трудиться» теряет всякий смысл, превращаясь в элементарную тавтологию (трудиться, чтобы трудиться). Вариант с профессиональной подготовкой похож на исходное: учиться, чтобы овладеть знаниями (с пропущенными логическими звеньями). «Достойное место», чаще ассоциируемое с «достойной должностью», связано с учением скорее формально, декларативно, и содержащаяся здесь фальшь, о которой предпочитают молчать взрослые, само собой передаётся детям. И уж почти совсем не зависит умение зарабатывать деньги в «достаточном количестве» от уровня образованности. Это видят наши зоркие детки на каждом шагу. Если и существует здесь связь, то скорее «обратно пропорциональная». Так чему и зачем всё-таки нужно учиться?

Отказавшись от «коммунизма» как единственного полноценного и всеобъемлющего объяснения, первопричины и мотива обучения, современная педагогика не могла не ощутить вакуум, заполнить который ей пока не под силу. Речь, разумеется, о наших отечественных теоретиках и практиках, поскольку западные их коллеги в силу своей естественной прагматичности не то что какого-либо «комплекса вины», но и простого дискомфорта не испытывают. (Не в этом ли секрет столь необычной притягательности и высокого престижа «забугорного» аттестата и диплома у нашей молодежи?) За перестроечные и пореформенные годы созданы тонны педагогической литературы. Но без ответа на главный, основополагающий вопрос, согласитесь, бессчётные тома мало чего стоят. Но если теория молчит, то, может, стоит обратиться к практике?

А она превосходит самые смелые ожидания. При всех экономических и социальных из-

держках переходного периода (на начало нового века число беспризорных детей в России, по независимым экспертным оценкам, достигло 3 миллионов человек) образование достигло необычайных высот с точки зрения общественного интереса и общественных ожиданий. Получить диплом престижного учебного заведения, специальность юриста, экономиста, менеджера стало заветной мечтой миллионов выпускников общеобразовательной школы. И в ситуации «вселенской» нищеты, массового недовольства, распада и хаоса практически всех социальных систем (не в последнюю очередь — школьной отрасли) хорошее образование стало вполне сопоставимо с предметами роскоши, доступными немногим избранным.

Удивительно, но при полном отсутствии какой-либо внятной или хотя бы минимально выраженной общественной идеи прежний крайне расплывчатый и до предела абстрактный образовательный идеал приобрёл совершенно чёткие и вполне осязаемые параметры. И он удобен, ибо его размеры и масштабы вполне совпадают с контуром конкретной личности. И если мы говорим о микрокосмосе содержания человека, то одна из наиболее существенных составляющих этого понятия — страсть к познанию, необъяснимая по большому счёту тяга к самосовершенствованию. Совершающийся в эти годы переход общественно значимого в сферу личностно-ориентированного, своего рода интериоризация образовательной потребности в полной мере соответствует происходящим переменам, созданию открытого общества, провозглашённой политике приоритета прав человека. Соответственно и вопрос «зачем учиться?» переходит из общественной в индивидуальную, личностно-ориентированную плоскость. Ответ на него скорее можно найти в сфере индивидуальной мотивации субъектов учения. Другое дело, что и как на эту сферу влияет. «Что же ты, хуже всех?» или «Чем ты хуже?» — вопросы, к которым взрослые прибегают в крайнем случае, как ни странно, вполне могут оказаться наиболее действенными в непростом деле побуждения к учению — именно из-за совпадения с внутренними мотивами поведения детей. Во всяком случае, даже в раннем возрасте в силу социальной сущности воспитания и обучения для каждого нормального ребёнка они не менее значимы, чем некие абстрагированные от конкретной среды аксиомы, преподносимые официальной педагогикой как истины в последней инстанции.

Быть не хуже, а лучше других, добиваться, а значит, и получать больше, преодолевать барьеры, одерживать победы, покорять высоты... Такая честолюбивая задача в полной мере соответствует незаслуженно забытому, а ныне по праву реабилитированному Программой модернизации образования и ныне воплощаемому в жизнь принципу природосообразности в педагогике. Но разве с времён Дистервега ничего не изменилось?

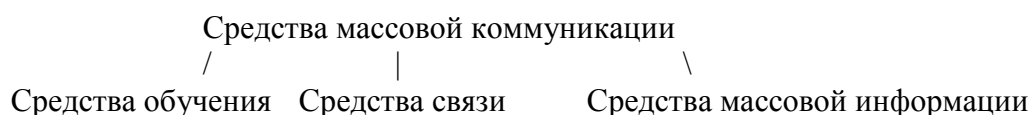
До сих пор каждого индивидуума принято считать существом как биологическим, так и социальным. И это правильно, поскольку человек, как известно, — животное общественное. Но что здесь первично, а что вторично, производно? Вечный спор (по аналогии с хорошо известным спором о первичности яйца или курицы) не имеет простого решения, поскольку речь идёт не о продукте, результате, итоге, когда важно определить, что от чего произошло. Сделать это всё же возможно, хотя бы умозрительно. Но как разделить нечто целое, единое и неделимое? Сделать это без принципиальных потерь весьма непросто. Более того, нам представляется, что решения в рамках существовавшей системы вообще не существовало, поскольку методология была изначально порочна. Как можно правильно решить пространственную задачу, используя лишь два измерения? И разве не будет ошибкой продолжать считать человека лишь сочетанием биологического и общественного, не понимая, каков же механизм этого сочетания? Как происходит движение, а значит, и сама жизнь человека, человечества? Совершенно очевидно, что для ответа на эти вопросы явно недостаточно иметь два известных компонента. Нужно третье измерение. К началу третьего тысячелетия, как нам кажется, наука вплотную подошла к возможности новой оценки и самой жизни, и человеческого индивидуума, и всего общества. Одно из перспективных направлений — получившие известность опыты с клонированием живых существ. Полученная таким образом овечка Долли, пожалуй, вносит не меньший вклад в понимание сущности человека, чем собачки И.П. Павлова.

Подопытные великого физиолога, выражаясь современным языком, доказали, что в живом организме есть совершенно определённые способы усвоения информации — условные и

безусловные рефлексy. Клонирование — это следующий шаг в познании неизвестного. Выясняется, что информация не только «хранится» в клетках существа, но и способна воспроизводить сама себя в новых условиях и при определённых обстоятельствах. А те микроскопические изменения, которые, как потом выяснилось, отличают двойника от оригинала, открывают совершенно новую страницу в уже известной теории эволюции.

Экспериментальная наука заставляет по-новому взглянуть на все области человеческих знаний. Естественно, что проведенные опыты не могут не повлиять на фундаментальные вопросы философии. Так что же всё-таки первично — бытие или сознание, материальное или идеальное? «В начале было Слово» — гласит Библия. Иначе говоря, некий сгусток информации, часть кода, ставшего средством коммуникации. Гипотетически можно предположить, что формированию нынешнего информационного общества изначально предшествовали некий информационный взрыв, затем длительный путь эволюции, в течение которого возникали новые информационные, а потом и коммуникационные системы. Устное слово материализовалось в письменной речи.

В свою очередь письменность привела к книгопечатанию. Появление книг, письменных источников потребовало массового обучения. Так возникла необходимость образования. С определённой долей уверенности можно утверждать, что общество, развивая и расширяя коммуникативные возможности, пришло к необходимости массового обучения, которое, в свою очередь, привело к созданию новых средств массовой коммуникации. Схематически этот процесс может выглядеть следующим образом: Общество — Коммуникация — Образование — Средства массовой коммуникации. Разумеется, деление весьма условное, поскольку коммуникативная природа образования, на наш взгляд, в доказательствах не нуждается. Однако нельзя не замечать и другого: на каком-то этапе коммуникативные связи и средства массовой коммуникации разделились: образование и книгопечатание пошли, что называется, параллельными курсами, оставаясь взаимосвязанными и взаимозависимыми. Но ни авторов, ни читателей старинных талмудов или современных учебников давно уже не волнует, изготовлены ли они на древних литографах или современных офсетных станках с компьютерным и даже цифровым набором. Печать, которую с определённой долей условности можно считать прародительницей массовой школы, превратилась в обычное средство обучения вроде ручки, парты или чернил, развитие которой шло по своим законам и правилам. Нечто подобное произошло и с другими средствами массовой коммуникации. И это было вполне оправдано, поскольку практически все они, включая телеграф и почту, телевидение и радиовещание, кино и театр, музеи и архивы, вполне укладывались в рамки школьных уроков по основам физики и математики, химии и биологии, литературы и истории. Их появление и развитие вполне наглядно иллюстрировало универсальность общих законов, которые и должны были знать школьники. Первый звонок о том, что «не всё благополучно в королевстве датском», прозвучал с появлением в недрах средств массовой коммуникации особой группы, которая теперь получила название средств массовой информации. Схематично это можно представить так:

Связь между тремя подгруппами СМК очевидна, но не равноценна. Наиболее сильно она выражена у печати. Попытки же использовать в практике обучения другие СМИ, в частности электронные масс-медиа (вроде учебного телевидения, школьного радио, видеокассет и пр.), прямо скажем, особого успеха за редким исключением всё же не имели. Однако на интуитивном уровне все понимали, что нечто грядёт. Впрочем, только ли на интуитивном? Образно говоря, появление радио сильно повлияло на «размеры» наших ушей, а телевидение — глаз. Но ведь всё-таки не на мозги.

Признание и начало массовой компьютеризации системы образования, правда, больше влияет пока не столько на интеллект, сколько в целом на психику. После волонтаристских

десятилетий активного отторжения и кибернетики, и информатики некие перегибы и пере-хлёсты, конечно, неизбежны. Да и не столько энтузиазм чиновников, спешащих охватить и отчитаться, пугает, сколько наш родной менталитет. Вера в чудо или некое чудодейственное средство неиссякаема. Складывается такое впечатление, что стоит только усадить детей за компьютеры, как мы вновь выйдем на первое место в мире по качеству нашего образования. Одним словом, была бы печка...

Разумеется, появление персональных компьютеров — огромный шаг в развитии средств образования. Но компьютеризация — это не только начало, но и своего рода итог прежнего пути развития образования. Она вновь выводит на первый план и общую для возникновения и развития социума коммуникативную природу всех вещей и явлений, и общность средств массовой коммуникации, и цель, к которой надо стремиться. Здесь нельзя не согласиться с классиком — надо «учиться, учиться и учиться...». Чему? Да, в общем, всё тому же — умению строить и жить в новом обществе, новым общественным отношениям, под которыми В.И. Ленин тогда понимал «коммунизм». Но «кремлёвский мечтатель» не был бы верен себе, если бы не добавил: «Коммунистом можно стать только тогда, когда овладеешь всеми знаниями, выработанными человечеством». Утопичность тезиса со временем только очевидна. Овладеть всеми знаниями просто невозможно. Другой вопрос, что овладеть можно всеми способами или приёмами отыскания или отбора необходимых знаний. В этом смысле информатизация общества, создание компьютерной среды открывает новые и совершенно уникальные перспективы.

Сегодня и общество, и время называют информационным. Если ориентироваться на постиндустриальное сознание, будет более правильным создавать не просто медийную или мультимедийную, а целостную коммуникативную модель, которая позволит каждому ученику просто и органично и войти в это общество, и жить в ладу с новым временем. Дело за малым — найти ответ на вопрос: как это сделать?